

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ИСТОРИЯ СЛОВА *мандарин* И ЭТИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА БАЛЬЗАКА

Р. А. БУДАГОВ
Москва

I

В современном русском языке есть два разных слова-омонима: «*Мандарин* — цитрусовое дерево... с небольшими плодами, напоминающими апельсины; плод этого дерева» и «*мандарин* — государственный чиновник старого феодального Китая ... лицо привилегированного сословия (название дано португальцами)»¹. Обратим внимание, как образовались эти омонимы, и начнем анализ со второго слова.

Его этимология до сих пор вызывает споры. Обычно считается, что слово возникло в португальском языке в результате контаминации санскритского *mantrīnah* «советник» и португальского *mandar* «приказывать». В самом португальском языке слово известно уже с 1514 г., а затем оно стало проникать и во многие другие языки: с 1581 г. встречается во французском, с 1615 г. — в итальянском и т. д.² Что касается его омо-

нима (*мандарин* «цитрусовое дерево и плод этого дерева»), то, во-первых, это слово возникло гораздо позднее, и, во-вторых, оно имеется далеко не во всех тех языках, где бытует *мандарин* «государственный чиновник феодального Китая». Любопытно, что в самом португальском языке, откуда имя существительное стало распространяться, фиксируется только *мандарин* «государственный чиновник феодального Китая» (*mandarin*), тогда как *мандарин* «дерево» и «плод дерева» передается другим словом — *laranja* (ср. исп. *paipaja*), собственно «апельсин».

Обычно считается, что *мандарин* как ботанический термин возник позднее и первоначально был связан с *мандарин* в «государственном» значении. При этом выдвигаются ассоциации двух типов. Одни считают, что развитие было определено цветовой преемственностью (плод мандарина поминал золотисто-желтый цвет одежды мандарина — человека)³, другие утверждают, что преемственность здесь была иная: плод, который подавался на стол мандарину, «важному чиновнику», вскоре получил название от названия самого чиновника⁴. Раз-

¹ «Словарь современного русского литературного языка», т. 6, Изд. АН СССР, 1957, стр. 590.

² См.: J. Corominas, *Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana*, Bern, III, 1954, стр. 220; A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand, *Nouveau dictionnaire étymologique*, Paris, 1964, стр. 440; C. Battisti, G. Alessio, *Dizionario etimologico italiano*, Firenze, III, 1952, стр. 2342.

³ См.: A. Prati, *Vocabolario etimologico italiano*, Torino, 1951, стр. 615.

⁴ См.: H. Paul, *Deutsches Wörterbuch*, Halle (Saale), 1956, стр. 390.

вите определялось так: *особый плод, предназначенный мандарину, > мандариновый плод > мандарин.*

Возникшая таким образом полисемия слова *мандарин* оказалась, однако, нежизненной, а поэтому и неустойчивой. Эти ее особенности были определены следующими причинами: слово *мандарин* в «государственном» значении делалось все более специальным и историческим, тогда как слово *мандарин* в ботаническом осмыслении становилось все более распространенным и все менее связывалось с привычками и нравами феодальных мандаринов. В результате только наметившаяся было полисемия слова *мандарин* распалась, образовав омонимы, следовательно, два разных слова. Однако для исторической семасиологии и для истории культуры интересно, что анализируемые омонимы некогда образовывали хотя и временную, но все же бесспорную полисемию.

Но были и чисто языковые мотивы, обусловившие непрочность наметившейся полисемии, причем в разных языках эти мотивы были различными. С одной стороны, слово *мандарин* в его «государственном» значении претендовало на универсальность и проникло во многие языки, а с другой — возможность возникновения ботанического значения в разных языках была представлена неодинаково. В самом португальском, откуда слово «двинулось» в европейские языки, такой возможности вовсе не оказалось. В других языках условий для формирования будущей омонимии тоже не создавалось, так как ботаническое значение с самого начала выделилось в особое слово с особым окончанием, отличным от окончания слова в его «государственном» аспекте. Следовательно, исконно здесь возникли разные слова, минуя этап полисемии.

Доказательство: испанское существительное *mandarin* в «государственном» значении и *mandarina* в ботаническом значении (чаще *paipaja mandarina*). Так же дифференцированы и формы немецкого языка: *Mandarin* и *Mandarina*. Различие в грамматическом роде между каждой парой подобных существительных усиливает эти дифференцирующие тенденции.

Но имеются и такие европейские языки, в которых, как и в русском, оба слова сейчас находятся в омонимических отношениях друг к другу. Таковы; например, итальянские *mandarino* в «государственном» значении и *mandarino* в ботаническом значении. В аналогичных оппозициях оказались и английские омонимы *mandarin* и *mandarin*, румынские омонимы *mandarin* и *mandarin* и т. д.

Таким образом, в разных европейских языках сложилось три типа взаимоотношений между словами *мандарин* в «государственном» значении и *мандарин* в ботаническом значении. Одни образования никогда не знали подобной смысловой ситуации. К ним относятся языки, в которых *мандарин* в ботаническом значении вовсе не встречается. Другие языки, напротив того, пережили этап временной полисемии, когда в самом слове сформировались значения, лишь в результате временных исторических ассоциаций оказавшиеся связанными. Непрочность и относительность подобных сцеплений привели к двум результатам: в одних языках образовались два слова-омонима, а в других — два слова, никогда не бывшие омонимами, так как *мандарин* в ботаническом значении с самого начала своего возникновения морфологически стало оформляться иначе, чем *мандарин* в «государственном» осмыслении.

II

Но здесь возникает совсем иной вопрос по сравнению с предыдущими. Он существен не только для истории анализируемого слова, но и для истории культуры в широком смысле.

Несмотря на то что существительное *mandarin* в «государственном» значении бытует на правах «историзма» почти во всех европейских языках, его судьбы во французском сложились несколько иначе. Здесь *mandarin* не только историческое слово, но и образование, входящее в широко распространенное устойчивое сочетание: *tuer le mandarin* буквально «убить мандарина». Это выражение употребляется только иносказательно: если бы можно было одним нажатием кнопки обречь на смерть неизвестного

дряхлого мандарина в глухом месте старого Китая, обогатиться за его счет и остаться безнаказанным, то кто бы воздержался от подобного поступка? ⁵. Возникновение выражения обычно приписывается Руссо или Шатобриану, хотя ни у одного из этих писателей его найти не удалось ⁶. Дело в том, что в «Гении христианства» Шатобриана (1802) обнаруживаем сходную этическую альтернативу («можно ли или нельзя мысленно убить в Китае никому не нужного старого человека, стать наследником его состояния и остаться безнаказанным»), но самого словосочетания «убить мандарина» у французского писателя нет ⁷. Так факт языка *tuer le mandarin* (устойчивое выражение с определенным смыслом) стал отождествляться с фактом более широкого значения — этической дилеммой, еще не имевшей определенной устойчивой языковой формы выражения.

Источником французского *tuer le mandarin* является роман Оноре де Бальзака «Отец Горио» (1834). Между героем этого романа, очень бедным молодым студентом Растиньяком, и его другом, студентом Бьяншоном, происходит такой диалог. Бьяншон спрашивает:

- Отчего у тебя такой озабоченный вид?
- Меня одолевают дурные мысли...
- От мыслей можно излечиться
- Как?
- Надо им поддаться.
- Ты смеешься, сам не зная над чем. Читал ли ты Руссо?
- Читал.
- Помнишь то место, где он спрашивает, как бы читатель поступил, если бы смог разбогатеть, убив в Китае старого мандарина одним лишь усилием воли, не выезжая из Парижа?
- Помню.

⁵ См.: «Французско-русский фразеологический словарь», под ред. Я. И. Рещкера, М., 1963, стр. 651; «Dictionnaire de l'Académie française», 8 éd., Paris, II, 1935, стр. 151; O. Guerlac, *Les citations françaises*, 7 éd., Paris, 1961, стр. 325.

⁶ См. об этом заметку P. Ronai в «Revue de littérature comparée», 1930, № 3, стр. 520—523. Но еще в 1959 г. Робер не вполне точно называл Шатобриана автором дилеммы *tuer le mandarin* (P. Robert, *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*, Paris, IV, 1959, стр. 408).

⁷ F. R. Chateaubriand, *Génie du christianisme*, Paris, 1902, ч. I, кн. 6, гл. 2.

— Ну и что же?..

— А очень стар твой мандарин? Впрочем, молод или стар, в параличе или в добром здравье, все равно... Черт подери! Сказать по правде — нет ⁸.

Растиньяк вновь разъясняет свой вопрос, но снова получает отрицательный ответ. По прошествии некоторого времени, уже в другом месте романа, аналогичный вопрос задает теперь Бьяншон Растиньяку:

— Итак, мы убили мандарина?..

— Нет еще, — ответил Растиньяк, — но он уже издает предсмертные хрипы.

Медик принял эти слова за шутку, но они не были шуткой ⁹.

Теперь вернемся к соотношению между этической дилеммой «убить мандарина» и способом ее выражения во французском языке. Мы видели, что сама этическая дилемма возникла раньше, чем устойчивое словосочетание *tuer le mandarin*. Первоначально подобная дилемма могла передаваться описательно, и только под пером Бальзака в его романе «Отец Горио» она приобрела совершенно определенную форму выражения. Все попытки обнаружить словосочетание *tuer le mandarin* до Бальзака окончились неудачей ¹⁰. Поэтому можно утверждать, что именно Бальзак является автором выражения, которое приобрело во французском языке значение, близкое к идиоматическому.

Хотя авторство Бальзака в создании устойчивого словосочетания *tuer le mandarin* не подлежит никакому сомнению, сам писатель нашел нужным приписать его Руссо, направив будущих исследователей по ложному следу. Отослав к Руссо, Бальзак, по видимому, стремился убедить своих читателей, что сама дилемма, стоящая за выражением *tuer le mandarin*, не могла не интересоваться такого писателя, как Руссо. Дилемма оказалась гораздо более многоплановой и сложной, чем само словосочетание *tuer le mandarin*.

Хотя *tuer le mandarin* как устойчивое словосочетание с определенным значением бытует только во француз-

⁸ H. de Balzac, *Le père Goriot*, Moscou, Éditions en langues étrangères, 1956, стр. 141.

⁹ Там же, стр. 160.

¹⁰ P. Ronai, *Цит. соч.*, стр. 523.

ском языке, оно получило резонанс и за его пределами. Этот резонанс мог усиливаться или ослабляться в зависимости от того, вспоминали или забывали саму дилемму, стоящую за анализируемым выражением. Известно, что Раскольников у Достоевского («Преступление и наказание») пережил муки, аналогичные мукам Бальзаковского Растиньяка. Раскольников вспоминает великих ученых — Ньютона и Кеплера, считая, что таким людям «все дозволено» для достижения их предназначений. Но, как тонко заметил еще Д. И. Писарев в своей яркой статье об этом романе Достоевского, «люди, подобные Ньютону и Кеплеру, никогда не пользовались кровопролитием, как средством популяризировать свои доктрины»¹¹.

Известно, что Достоевский высоко ценил романы Бальзака, в частности и в особенности «Отец Горио» и «Утраченные иллюзии». По свидетельству одного из лучших знатоков творчества Достоевского Л. П. Гроссмана, автор «Преступления и наказания» в черновой редакции своей знаменитой «Речи о Пушкине» вспоминал Растиньяка в связи с образом Раскольникова. «В одном романе Бальзака нищий студент в тоске перед нравственной задачей, которую не в силах разрешить, задает своему товарищу вопрос о праве на убийство бесполезного существа в виде параболы о дряхлом, больном мандарине. Дилемма поставлена с необыкновенной остротой: «Вот ты, нищий, захотел бы сказать — Умри мандарин, — чтобы сейчас же получить миллион?»

¹¹ Д. И. Писарев, Полное собр. сочинений в шести томах, т. 6, изд. Ф. Павленкова, С.—Петербург, 1897, стр. 319.

В этом вопросе парижского студента уже намечается та нравственная задача, которую попытался разрешить и петербургский нищий студент Раскольников»¹².

Так, казалось бы, чисто французское устойчивое словосочетание *tuer le mandarin* в определенных случаях может выходить за пределы французского языка и подвергаться всевозможным смысловым и формальным трансформациям. Возможность возникновения дилеммы, составляющей содержание выражения *tuer le mandarin* в разных социальных и исторических условиях, у разных народов и в разное время, определила подвижность самого сочетания слов, самой формулы *tuer le mandarin*. Но если во французском анализируемая формула превратилась в устойчивое словосочетание и, следовательно, стала фактом языка, в других языках она таковой не является. Здесь аналогичное словосочетание возможно лишь как потенциальная литературная реминисценция.

История слова *мандарин*, а затем истории двух слов *мандарин* и *мандарин* и словосочетания *tuer le mandarin* лишней раз доказывают, что современный исследователь лексики обязан уметь не только разграничивать такие понятия, как синхрония и диахрония, стихийное и сознательное, но и понимать многообразные формы постоянного взаимодействия между ними. Тогда факты словаря предстанут и в своих лингвистических и в своих общекультурных аспектах.

¹² Л. Гроссман, Достоевский (серия «Жизнь замечательных людей»), М., 1962, стр. 349.